

БЫВШИЕ

Я вас не отпускаю

САЯНА ГОРСКАЯ

Саяна Горская

Бывшие. Я вас не отпущу

«Автор»

2026

Горская С.

Бывшие. Я вас не отпущу / С. Горская — «Автор», 2026

- Дождусь ребёнка и отправлю девчонку на мороз.- Не жестко ли ты с ней?
- Слышу голос друга моего мужа.- Она с чего-то решила, что может вертеть мной. А мне осточертело плясать под чужую дудку. Не моё это. Так что Получу ребёнка и чао. Ноги её больше в моём доме не будет. Кровь в моих венах застывает. Мне кажется, что земля уходит из-под ног. Разверзается прямо подо мной, и я проваливаюсь в черную бездну. Я приняла решение сбежать от мужа, вырваться из фиктивного брака и родить ребёнка в глухой деревне. И всё в моей жизни было спокойно, пока мой бывший муж нас не нашёл...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Саяна Горская

Бывшие. Я вас не отпускаю

Глава 1

Полина.

Как сказать ему об этом?

Сажу на краю кровати, сжимая в руках тест.

Две полоски.

Четкие, яркие, как приговор.

Сердце бьется так громко, что, кажется, его слышно в каждой комнате этого огромного особняка. Внутренности переворачиваются, желудок скручивается морским узлом.

Как произнести эти слова?

Костя, я беременна.

Просто. Три слова. Лёгкие, почти невесомые. И одновременно тяжелее свинцовой плиты.

Он обрадуется? А если нет?

Мы ведь не настоящие. Наш брак — фикция. Слияние корпораций, подкрепленное подписью в ЗАГСе. Но за эти месяцы что-то изменилось. Костя... Он стал другим. Теплым. Заботливым.

Вообще-то он всегда был добр ко мне. Внимателен. В его глазах — не холодный расчёт, а участливость.

Порой мне даже кажется, что наш брак... Что он не совсем фиктивный.

Я верю, что да. Я хочу в это верить.

Когда отец предложил мне выйти за Константина Барсова, я не протестовала. Это был его выбор и его последнее желание.

— Он надёжный, Поля, — сказал тогда отец. — Ты будешь в безопасности под его защитой.

Защита.

Костя действительно защищает меня.

Он не бывает резок, не поднимает голоса, не ограничивает меня в чём-либо. Он уважает меня и мои границы.

И когда вечерами он ложится головой на мои колени, пока я читаю книгу, и всматривается внимательно в моё лицо, мне даже кажется, что я ему нужна.

Не как формальная жена, не как часть сделки, а по-настоящему.

Как женщина.

А теперь... Теперь я жду от него ребёнка.

Я прикрываю глаза, прижимая ладонь к животу. Там внутри уже живет маленький человек. Наш ребенок. Пока никто не знает. Даже он.

А вдруг Костя не обрадуется или...

Нет, не надо думать о плохом. Он не такой. Он не может быть таким.

В дверь спальни стучат, и я вздрагиваю, едва не роняя тест на пол. Прячу его под край покрывала.

— Полина Игоревна, вы здесь? — Доносится ровный голос Натальи — нашей экономки.

Выдохнув, расправляю плечи.

— Да, входите.

Дверь, тихо скрипнув, открывается.

Наталья, женщина шестидесяти лет, с пронизательным взглядом и тонкими прядями седины в каштановых густых волосах, задерживается на пороге, переминаясь с ноги на ногу, словно не хочет заходить дальше.

— Полина Игоревна, вас хотел видеть Олег Егорович.

Я морщусь.

Олег... Этот человек вызывает у меня отторжение на клеточном уровне.

Его взгляды одновременно презрительные и липкие, а улыбка — словно оскал. Он гостит у нас уже третий день, и я с огромной натяжкой могу назвать свои попытки скрыть раздражением успешными.

Но Костя считает его другом, и мне приходится мириться с присутствием этой раздутой жабы в нашем доме.

— А Олег Егорович сам не мог прийти? — Ощетиниваюсь, запоздало осознавая свою реакцию.

Наталья опускает глаза в пол. Она, как и я, не питает к Олегу симпатии.

Отмахиваясь от внутреннего раздражения.

— Где он?

— В кабинете Константина Александровича.

Разумеется. Где же ещё.

Я встаю, медленно прохожу мимо Натальи и выхожу в коридор.

Наш дом — словно из другого мира или, как минимум, из другой эпохи. Просторные комнаты, тяжёлые дубовые двери, мраморные полы, наполированные до блеска. На стенах — картины, которые Костя собирал годами. Он любит искусство. Говорит, что оно вдохновляет его.

Здесь всё говорит о власти и деньгах. О статусе моего мужа.

Когда я впервые оказалась здесь, дом показался мне холодным и пустым.

Сейчас... Я привыкла. Я научилась находить в этом пространстве уют. В мягком свете огромных люстр, в книгах, которыми уставлены полки, в утреннем аромате кофе, что первым заполняет собой эти стены. В тонком запахе розовых кустов или цветущих яблонь, доносящемся через большие французские окна из сада.

Иду по длинному коридору и останавливаюсь перед кабинетом мужа.

Из-за чуть приоткрытой двери отчётливо слышны голоса, и я заносу руку, чтобы постучать.

Но останавливаюсь.

Что-то в напряжённом голосе мужа заставляет меня обратиться в слух. Какие-то едва уловимые нотки звенящей холодом стали.

— И что дальше? — Спрашивает Олег. — Какие идеи?

— Дождусь ребёнка. А девочку отправлю на мороз.

Мне кажется, что земля уходит из-под ног. Разверзается прямо подо мной, и я проваливаюсь в черную бездну.

Я не дышу. Не двигаюсь.

Моя рука, занесённая над дверью, всё так же висит в воздухе, словно её парализовало.

Наверное, я ослышалась. Наверное...

Заглядываю в узкую щель.

Олег, вальяжно развалившись в кожаном кресле, взбалтывает в стакане свой напиток и цокает языком.

— Не жестко ли ты с ней? — В голосе Олега сквозит что-то вроде любопытства, но не сочувствие.

Нет. Ни капли сочувствия.

Пауза. Костя вздыхает.

— С такими, как она, только так и нужно. Родилась с золотой ложкой во рту — думает, ей всё можно? Как бы не так. Она с чего-то решила, что может вертеть мной как хочет. А мне осточертело плясать под чужую дудку. Не моё это. Так что... Получу ребёнка — и чао. Ноги её больше в моём доме не будет.

Кровь в моих венах застывает.

Я приваливаюсь спиной к стене, хватаясь за неё, как за спасательный круг.

— Но ребёнка тебе не отдадут просто так. Она может пойти в суд.

— Я прекрасно знаю, кому и сколько заплатить, чтобы это решить, — спокойно, почти лениво, отвечает муж. — А она нет. Так что не вопрос и не проблема.

Всё сжимается внутри.

Он...

Он использует меня.

Ребенок. Он хочет ребенка. А меня... Меня он просто выбросит, как ненужную вещь.

Я думала, что Костя любит меня. Я думала, что я для него больше, чем просто сделка.

Но он, оказывается, никогда не любил. Никогда.

Я — инкубатор для его наследника и промежуточный этап. Он дождался, пока умрёт мой отец, зная, что больше никому меня защищать.

И когда я рожу...

Я прикрываю рот рукой в страхе, что из меня вырвется крик.

Нет.

Не может быть!

Не может?

Может...

Я делаю шаг назад, потом ещё один. Ноги подкашиваются, но я заставляю себя двигаться.

Я не могу здесь оставаться.

Срываюсь на бег.

Коридор кажется бесконечным, словно зыбкая тропа в кошмаре, где сколько ни беги — выхода нет. Сердце истошно грохочет в груди, дыхание сбивается. В висках пульсирует страх.

Я не знаю, что делать!

Буквально вкатываюсь на ослабевших ногах в нашу спальню. Захлопываю дверь, запираю и приваливаюсь к ней спиной, стараясь отдышаться.

Слёзы льются ручьями — горячие и беспомощные.

Что делать? Как спастись? Как защитить своего ребёнка?

Костя богат. Влиятелен. Он может всё. У него связи, деньги, ресурсы. А у меня?..

Нет, я тоже не простая девочка, однако Костя прав — я совсем не умею пользоваться своим положением. Я была выращена в условиях, когда сильные мужчины обеспечивали мою безопасность, а теперь...

Теперь у меня есть только этот ребёнок.

Ребёнок, которого он обязательно заберёт, если о нём узнает.

Зажимаю рот ладонью, чтобы не разразиться всхлипами, и в этот момент раздаётся стук.

Громкий. Чёткий.

Я вздрагиваю.

Ручка двери дёргается.

— Полина, открой, — слышу обеспокоенный голос Кости.

Холод пронизывает меня с головы до ног.

Глава 2

Полина.

— Полина! Я знаю, что ты там! Открой, пожалуйста.

Ручка настойчиво дёргается.

Если не открою — Барсов вынесет несчастную дверь с петель.

Быстро провожу ладонями по лицу, стирая слёзы. Нельзя, чтобы он что-то заподозрил. Нельзя выдать себя.

Отпираю замок, и дверь плавно открывается.

Костя каменным изваянием застывает на пороге.

Высокий, сильный, уверенный. Он хмурится, окидывая меня пристальным взглядом.

— Почему ты закрылась?

Голос низкий, спокойный, но я улавливаю в нём нотки подозрения.

— Не знаю... Просто, — выдавливаю я и смотрю на него, будто вижу впервые.

Он заходит в комнату, и я отступаю на шаг. Его обволакивающая мужественность действует на меня гипнотически, как всегда. Линия скул, резкий изгиб челюсти, чуть насмешливый взгляд серых глаз. Сильное тело, лёгкость, с которой он заполняет собой любое пространство. Он красивый мужчина. Очень. И очень властный. Его взгляд, его осанка, даже то, как он дышит, — все в нём кричит о силе и контроле.

Раньше мне казалось, что я в безопасности рядом с ним.

Теперь...

— Ты чего тут весь вечер сидишь? — Он подходит ближе, и я чувствую его запах — дорогой парфюм с нотками кожи и чего-то теплого, мужского. — Пойдём, поболтаем. А то гость приехал, а ты будто прячешься.

— Мне не хочется, — тихо отвечаю я. — Голова болит.

Он делает ещё шаг ко мне, вытягивает руку, и я рефлекторно дёргаюсь назад, словно он собирается ударить меня.

Его брови мгновенно сходятся над переносицей.

— Полина?..

Костя медленно приближается и, прежде чем я успеваю отстраниться, кладёт ладонь мне на лоб. Его прикосновение обжигает, но я приказываю себе не отстраняться.

— Кажется, у тебя температура, — его голос смягчается, в нём появляется тёплая забота. — Ложись-ка ты в постель, моя хорошая.

Я смотрю на нашу общую широкую постель, и внутри всё съёживается в комок. Мне не хочется туда. Но под его пристальным взглядом я киваю, скидываю халат и ложусь, забираясь под одеяло.

Костя осторожно поправляет его, пальцы ненадолго задерживаются на моём обнажённом плече.

— Я отправлю Наталью, пусть принесёт градусник. И скажу Олегу, что посиделки отменяются. Приду к тебе пораньше.

— Не надо.

Костя прищуривается, явно что-то анализируя.

— Возражения не принимаются. Я буду за тобой приглядывать.

Он наклоняется и целует меня в лоб.

С трудом подавляю дрожь.

Муж выходит, оставляя меня в темноте и одиночестве.

Сжимаю пальцы на одеяле, пытаюсь успокоить рваное дыхание.

Мне нужно что-то предпринять, пока не поздно. Я не могу просто лежать здесь и ждать, пока он меня уничтожит, пока отберет моего ребёнка и выбросит меня, словно старую табуретку.

Может, прямо спросить у него, что это было? Но тогда я лишу себя фактора неожиданности. Если Костя узнает, что я в курсе, он запрет меня здесь, а потом приведёт свой план в исполнение.

Нет, так я рисковать не могу.

Проходит полчаса.

Костя возвращается, ложится рядом и обнимает меня со спины, прижимая к себе. Его большое мужское тело теплое, сильное. Я всегда трепетала в его объятиях, его близость согревала меня и заставляла чувствовать себя защищённой, а теперь я едва сдерживаю рыдания.

Мне противно.

Противно от того, что он может быть таким... таким холодным и бесчеловечным.

— Родная, спишь? — Шёпот опаляет моё плечо.

Молчу.

— Знаю, что не спишь. Как ты себя чувствуешь? — Спрашивает он, уткнувшись носом мне в шею.

— Нормально, — отвечаю тихо, с трудом сглатывая ком в горле.

Костя проводит ладонью по моему боку.

— Я завтра еду с Олегом, показывать ему новый проект. Буду поздно вечером. Хочешь со мной?

— Нет, лучше побуду дома.

Костя приподнимается на локте, заглядывает в моё лицо.

— Странная ты какая-то сегодня... Всё хорошо?

— Всё прекрасно, — вымучиваю из себя слабую улыбку.

Он чмокает меня в щёку и снова обнимает. Его рука лежит так близко к моему сердцу, что я боюсь, как бы он не прочитал по этим неровным ударам мои истинные мысли.

Через пару минут его дыхание выравнивается.

Он засыпает.

А я смотрю слепым взглядом в окно и думаю только об одном.

У меня есть всего один шанс для побега.

И я должна использовать его, чтобы защитить себя и ребёнка...

Глава 3

Пять лет спустя.

Полина.

Утро начинается, как всегда, с Вероники. Она встает раньше меня, и я слышу, как ее маленькие ножки шлепают по полу в кухню. Потом — звон посуды. Она пытается сама налить себе молоко, но, как всегда, что-то идет не так.

— Мама! — Кричит она, и я уже знаю, что сейчас увижу.

Встаю с кровати, накидываю халат и иду на кухню. Вероника стоит посреди лужи молока, в руках — пустая кружка. Ее большие серые глаза смотрят на меня с виной.

— Я хотела сама, — говорит она, и я не могу сдержать улыбку.

— Ничего страшного. Давай уберем вместе.

Мы вытираем пол, и Вероника рассказывает мне, что ей снилось.

— Там был дракон и принцесса. И мамонт! — Ника неожиданно разбрасывает ручки в стороны, обозначая размер. — И он шёл вот так: бах, бах, бах!

Топают, наворачивая вокруг меня кружок.

Ника любит сказки. Я читаю ей их каждый вечер, и она засыпает, крепко прижавшись ко мне.

— Мама, а ты сегодня идёшь в школу? — Спрашивает она, когда мы заканчиваем уборку.

— Да, но только через пару часов. А ты пойдешь к бабушке.

— Ура! — Кричит она и бежит в комнату одеваться.

Я смотрю дочке вслед. Сердце наполняется привычным теплом. Она — мое все. Моя маленькая девочка, которая так похожа на Барсова. Те же серые глаза, тот же взгляд — серьезный, пронзительный. И характер...

Иногда, когда она смотрит на меня, мне кажется, что это она смотрит.

Подхожу к окну.

Май в этом году выдался очень тёплый, но сегодня...

Дождь.

Он льет с самой ночи, и кажется, что весь мир превратился в одну большую лужу. Смотрю на серое небо. Как символично... Серое небо, серые мысли, серые дни. Столько времени прошло, а я до сих пор не могу избавиться от этого чувства — будто все вокруг какое-то... Ненасытное.

Смотрю на наш небольшой двор, старый деревянный забор, дальше просёлочная дорога, деревья, серые крыши домов, натянутые между столбами провода.

Я живу здесь почти пять лет. Работаю в маленьком сельском магазине. Дом снимаю у доброй пожилой женщины, которая редко приезжает.

Здесь я больше не Полина Игоревна Барсова, дочь почившего магната и жена влиятельного бизнесмена. Здесь я Лина Викторовна Воробьева, простая девушка, все родственники которой либо живут слишком далеко, чтобы навещать нас, либо уже отправились на тот свет.

И мне этого достаточно.

— Мам, смотри! — Звонкий голос Вероники вырывает меня из раздумий. Она бежит ко мне, держа в руках рисунок. На нем — наш маленький чуть покосившийся дом, я, Ника и... мужчина. Высокий, с темными волосами. Я моргаю, стараясь не показать, что этот рисунок вызывает у меня ком в горле.

— Никуль, а это кто?

— Папа. Я его нарисовала вот таким. Ты же говорила, что он высокий и красивый. Похоже?

Я сглатываю.

Говорила. Да, говорила. Когда Ника спрашивала. Когда другие дети в садике начали задавать вопросы о том, где её отец.

Я не смогла сказать ей правду, да и не нужна она четырёхлетнему ребёнку. Не могла сказать, что её отец... Что он...

— Молодец, солнышко, — стараюсь улыбнуться. — Красивый рисунок. И папа очень похож.

Ника, счастливая, снова уносится в свою комнату.

«Девчонку отправлю на мороз».

Я до сих пор помню, как эти слова обожгли меня. Будто кто-то вылил на меня кипяток. Я тогда думала, что знаю его. Думала, что он другой. Но я ошиблась. Ошиблась так сильно, что до сих пор не могу простить себя за наивность.

Готовлю нам с Никой завтрак. Руки делают привычные движения, а мысли крутятся вокруг одного и того же.

Что, если он появится? Что, если он узнает?

Нужно быть готовой к тому, что рано или поздно это случится. Он богат, влиятелен. Он найдет нас, если захочет. И тогда...

Нет, нельзя. Ведь мне удавалось прятаться в этой глуши целых пять лет, а значит, и дальше всё будет хорошо.

После завтрака собираемся к «бабушке» и «дедушке».

Они не настоящие, но Никуля их очень любит.

Когда я планировала побег, единственным человеком, к которому я решила обратиться за помощью стал Николай Фёдорович — начальник охраны моего отца. Он не стал задавать вопросов и, по сути, пожертвовал своей прошлой жизнью ради меня и Ники. Он помог подделывать документы, создал мне новую личность. Сначала он прятал меня в Сибири, а потом, когда всё улеглось, увёз меня сюда и поселился с нами.

Антонина Юрьевна — наша соседка, сразу ему приглянулась и, спустя пару лет, Николай и Антонина стали жить вместе.

Ника сразу определила для себя эту забавную пожилую пару как бабушку и дедушку.

Никто возражать не стал.

Они души не чают в Нике, а я чувствую себя рядом с ними в безопасности.

После завтрака отвожу Веронику к бабушке.

— Ох, Лина, ты слышала новость?! — Спрашивает Антонина Юрьевна, когда я уже собираюсь уходить.

— Новость?

— Про завод!

— Какой завод?

— Наш, старый, что возле трассы. Его же как лет пять как закрыли, думали, так и сгниёт. А тут бац! Купили! Вот, собираются то ли возобновлять работу, то ли переделывать его под что-то другое.

— Правда? Нет, я не слышала...

— Да, — Антонина Юрьевна интенсивно кивает и тут же поправляет аккуратный пепельный локон, выпавший на лоб из пучка. — Теперь там будут не металлы плавить, а что-то другое, но что — пока не говорят. Рабочих мест много будет! Я пойду проситься, может, в бухгалтерию возьмут.

Я подвисаю в задумчивости.

Завод действительно пустовал несколько лет, заброшенный, с проваленной крышей и поросшими кучерявым выюнком бетонными стенами.

Новые рабочие места — это несомненный плюс, в посёлке с этим туго.

Но наплыв незнакомых людей — не очень хорошо.

— И кто же его купил?

— А вот этого я пока не знаю. Всё секретное какое-то. Но деньги туда вбухали немалые, я тебе скажу. Технику гонят, материалы везут... — Антонина смотрит на меня внимательно. — Может, и тебе там работа найдётся? А то в магазине твоём копейки платят.

Я мягко улыбаюсь.

— Мне моя работа нравится.

— Ну, смотри. Ладно, беги, опоздаешь. Пойду Никулю завтраком кормить.

— Мы позавтракали.

— Ничего, ещё разочек, — расплывается в улыбке Антонина и бросает взгляд за плечо, на рисующую за столом Нику. — Я оладьев напеку, варенье достану.

— Ладно, спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Машу дочке рукой и ухожу.

Кто-то купил завод.

И почему-то меня не покидает странное, тревожное чувство.

Глава 4

Полина.

Небольшой перерыв.

Местные ходят в магазин по своему особому расписанию — предпочитают приходить тогда, когда все с работы идут, чтобы за покупками успеть обсудить последние новости и сплетни.

Закрываю кассу и иду в комнату отдыха, надеясь, что успею выпить кофе и передохнуть перед следующим наплывом покупателей. Чайник с кипятком всегда наготове, и комната отдыха стала для меня почти домашним уголком.

За столом сидит Даша из соседнего отдела с бытовой химией. Она отхлёбывает кофе и приветливо машет мне рукой.

— О, Лина, ты тоже накофеиниться решила?

— Ага... Как день?

— Лучше не спрашивай. Мои цветы жизни прилепили лизун к потолку утром, — она закатывает глаза и отставляет чашку в сторону. — Вместо того, чтобы собираться, пришлось отскрести эту дрянь от побелки. Тебя что-то совсем не видно сегодня.

— Бывает. Дела, — насыпаю в свою кружку кофе, поднимаю чайник.

Даша бросает задумчивый взгляд в окно. Языком проходится по ряду ровных зубов.

— Слушай, ты уже знаешь про этот завод, который собираются восстанавливать?

Рука с чайником зависает в воздухе.

— Ты пятая, кто сегодня мне об этом говорит. Даже дети только и делают, что завод обсуждают.

— Ну а что? Для нашей глуши это прямо событие века. Говорят, рабочие места дадут.

— Надо же. Сенсация.

— Говорят, там будут добывать какие-то полезные ископаемые или ещё что-то.

Я устало вздыхаю, чувствуя, как меня накрывает волна раздражения. Могу себе представить, как с утра до ночи люди во всей деревне обсуждают только это.

— Совсем с ума посходили здесь... — Невольно гляжу на часы.

— А что? Сейчас лето начнётся. Отпускные заплатят, и их потом на три месяца растягивать. А там, глядишь, можно будет подработку найти. Если неофициально устроят...

— Вряд ли кто-то устроит тебя туда неофициально.

— Чем чёрт не шутит? Знаешь, какие они там серые схемы мутят, эти миллиардеры, лишь бы пару лишних тысяч налогов сэкономить? Ты когда-нибудь задумывалась, как мы вообще живём на эту зарплату?

— Каждое утро, когда заглядываю в холодильник, — сажусь в кресло напротив Даши.

Комната отдыха небольшая, с низкими потолками и старым шкафом у стены, который местами рассыпается от времени. На подоконнике стоят засохшие цветы — их уже никто не поливает, потому что у всех хватает забот и без того.

Дверь открывается.

Ирина Степановна из канцелярии, словно степенный лебедь, всплывает в комнату, поправляя нахому сложное нагромождение из волос, плотно зафиксированное лаком. Она всегда строгая, но в глазах её можно заметить скрытую усталость, которая говорит о многолетней работе с людьми.

В руках она держит лист бумаги.

— Добрый день, Ирина Степановна, — хором с Дашкой.

— Доброе утро, девочки. Доброе утро. Про завод уже слышали?

Даша давит улыбку, я закатываю глаза.

Ирина Степановна подходит к стенду и прикрепляет листок на доску объявлений. Мы с Дашей подбегаем к стенду.

— Ого! Вакансии на новый завод? — Округляет ошарашенно Даша глаза.

Я тоже с любопытством поглядываю на объявление.

"Требуется сотрудники для нового горнодобывающего предприятия. Условия труда достойные, карьерный рост, стабильная оплата".

Ирина Степановна, заметив наш интерес, чуть улыбается.

— А так можно? — Шепчет Дашка.

— Можно, если осторожно. Что мы, не люди? Работы в посёлке нет, лето на носу, а кушать хочется всегда. — Ирина Степановна поправляет очки и смотрит на нас с пониманием. — Работа в магазине — это хорошо, но «хорошо» в карман не положишь. Я вот и сама подумываю пойти на лето туда. А что? Подработаю.

Мы вздыхаем все втроём — и я, и Дашка, и Ирина Степановна — окидываем взглядами объявления.

Да, у нас в деревне с работой туго. Школа, садик, магазин, котельня, больница.

Больше, в общем-то, некуда.

Даша, не выдержав тишины, вдруг тычет пальцем в объявление:

— О, помощница руководителя! Хочу!

— Ну так сходи.

— Ну и пойду. Что я, кофе подносить не умею?

— Умеешь. Иди.

— Может, сходишь со мной? — Дашка складывает руки на груди лодочкой. — Там серьёзные дядьки, мне страшно. Лина, ну, пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожал...

— Ладно! — Морщит лоб. — Отведу тебя за ручку, как лялечку, чтобы серьёзные дядьки тебя не обижали.

— Вот спасибо! Тогда я тебя дожусь, и вместе пойдём очаровывать мужиков, — Даша чуть подпрыгивает на месте и выпархивает из комнаты отдыха.

После работы мы с Дашей идём на завод.

Его ещё не запустили, но работы развернули масштабные. На въезде уже стоят машины, рабочие разгружают материалы, кто-то сверяет чертежи.

Нас встречает молодая девушка в строгом брючном костюме.

— Вы на собеседование?

— Да, — кивает Даша.

— Руководитель лично отбирает сотрудников. Пройдёмте.

Она ведёт нас по длинному коридору.

Я вдыхаю воздух и вдруг чувствую странный, знакомый аромат.

Резкий, терпкий, но такой... до боли знакомый.

Этот парфюм...

Где я его уже слышала?

Отмахиваюсь от странных мыслей.

— Что именно здесь будут делать? — спрашиваю я, чтобы отвлечься.

— Добыча и обработка сырья. Точные детали пока не разглашаются, но проект очень масштабный, — отвечает девушка.

Моё сердце глухо стучит. Что-то в этом всё не даёт мне покоя.

Мы подходим к массивной двери.

— Руководитель скоро вас пригласит, — говорит девушка. — Его зовут Константин Андреевич.

Меня прошибает холодный пот.

Я сглатываю.

— Константин... Андреевич? А фамилия у него случайно не...

Но договорить я не успеваю — дверь кабинета руководителя открывается, и я вижу его...

Своего мужа.

Константина Барсова.

Меня накрывает ледяной ужас.

Глава 5

Полина.

Чего я точно не могла ожидать, так это того, что случайно могу встретить Костю в этой глуши.

И судя по глубокому шоку, в котором пребывает сейчас Барсов, эта встреча действительно незапланированная.

Такое сыграть нельзя.

— Полина? — Голос Кости глухой, недоверчивый.

Он хлопает глазами, будто не верит в происходящее.

Я отрицательно качаю головой, медленно отступая назад, но взгляда не отвожу.

Его глаза — серые, как зимнее небо перед бурей, и я вижу, как в них стремительно сменяются эмоции: шок, злость и что-то ещё — болезненное, тяжёлое.

Костя передаёт папку помощнице и делает шаг вперёд.

Он ещё не рядом, но мои хрупкие границы уже хрустят и трескаются от его напора.

Боже, да чего ты встала, Лина?! Беги!

Резко развернувшись, бегу!

— Полина!

— Лина, ты куда?! — кричит Даша, но её голос тонет в шуме крови, бешено стучащей в ушах.

Пустые бетонные коридоры размываются перед глазами. Я несусь вперёд, не разбирая дороги, подгоняемая тяжёлыми шагами за спиной.

Он гонится за мной...

Всё словно в каком-то кошмаре, из которого я не могу проснуться. В голове ни единой адекватной мысли, только навязчивая идея смыться куда-нибудь на край света.

Сердце колотится так сильно, что, кажется, грудная клетка вот-вот разорвётся под его натиском.

Выход близко. Уже виден свет, проникающий через приоткрытую металлическую дверь.

Ещё немного...

— Стой! — Сильные руки вдруг перехватывают меня, толкают назад — лопатками к холодной бетонной стене, что царапает кожу даже через ткань блузки.

Я задыхаюсь от того, как резко кислород выбивает из лёгких.

Костя нависает надо мной, прижимая своим телом — горячим, большим, напряжённым. Чертовски опасным.

— Пусти... — мой голос срывается на шёпот.

Костя молчит, но смотрит на меня так, что внутри всё сжимается от страха. Он словно видит меня впервые. Словно не верит, что я настоящая.

— Поля... — Выдыхает наконец тихо. — За что?

Он ведёт ладонью над моими волосами, однако не касается, а будто оглаживает контуры.

Отворачиваюсь. Не могу смотреть ему в глаза.

— За что? Ответь!

Как парализованная, смотрю в одну точку.

Я никогда не была очень уж смелой девушкой, а сейчас и вовсе с трудом удерживаю себя от того, чтобы впасть в истерику.

— За что?! — Костя кричит, хватая меня за плечи и с силой встряхивая.

Я вздрагиваю, сердце сжимается в ужасе и долбит истошно, падая куда-то в пятки.

— Я перевернул весь город, всю страну! Я искал тебя, а ты... Как ты могла?!

Он злится.

Но в его голосе я слышу не только гнев.

Там есть и боль.

— Ты вырвала моё сердце, Поля! — Костя стискивает челюсти. — Я подышал без тебя, пока ты... Чёрт, какого хрена вообще?! Тебе было плохо со мной? Настолько плохо?! Это бесчеловечно! Полина, это слишком жестоко!

Сжимаю упрямо губы.

Я не скажу ему ни слова. Мне не о чем разговаривать с человеком, который намеревался так безжалостно поступить со мной. И уж тем более я не намерена оправдываться.

Костя внезапно склоняется ближе. Его лицо совсем рядом. Горячее дыхание опалает кожу на моих щеках, и они вспыхивают, как пара спелых яблок.

— Ты... — Он прерывает себя.

А потом его пальцы врезаются в мой затылок, и он впечатывает свои губы в мои.

Горячо. Требовательно. Жадно.

Так трепетно выстроенный мною мирок рушится, разлетаясь на микроскопические осколки.

Его запах, его прикосновения — всё это слишком знакомо и слишком опасно.

На миг я поддаюсь, растворяясь в чувствах, давно стёртых из памяти. Моё тело становится ватным и податливым. Каждое его прикосновение причиняет боль, и всё моё тело горит и трепещет в ответ на его прикосновения, но почему-то эта боль приятна сейчас. Я чувствую себя живой.

Но тут же себя отрезвляю: Поля, очнись! Этот человек хотел забрать твоего ребёнка, а ты...

Собираю последние силы и упираюсь ладонями в грудную клетку Кости в жалкой попытке оттолкнуть, но с таким же успехом можно пытаться подвинуть гору.

Костя в ответ на моё сопротивление только сильнее прижимает меня к себе. Своими губами крадёт мои судорожные выдохи, тараном размыкает мои плотно сжатые зубы и углубляет поцелуй.

Задыхаюсь.

От беспомощности кусаю его за губу.

Костя отшатывается, выдыхая сквозь зубы. Прислоняет ладонь к лицу, вытирая с подбородка густую каплю крови.

Я не жду, пока он опомнится — срываюсь и несусь к выходу, плечом толкаю тяжёлую дверь. Выбегаю на улицу, лихорадочно втягивая влажный после дождя воздух.

Ноги проскальзывают в скользкой жиже. Ловлю баланс, чтобы не рухнуть в лужу.

Слышу позади голос:

— Беги! Беги, Поля! Я всё равно найду тебя. Я уже тебя нашёл!

Желудок скручивает спазмом от страха.

— Тебе не спрятаться от меня снова! Я достану тебя из-под земли!

Глава 6

Полина.

Я бегу домой. Ноги непослушные. Я словно на шарнирах — разболтанная, нестабильная. Костя нашёл нас...

Что за ирония судьбы? Почему из всех возможных мест этой планеты он выбрал именно этот глухой посёлок?

Захожу в дом. Вытаскиваю спортивную сумку, хватаю первую попавшуюся одежду, тёплые свитера для себя и Ники, носки, деньги, документы. Главное — документы. Хотя они почти бесполезны теперь, ведь Косте не составит труда пробить мою новую личность. А мне потребуется время, чтобы сделать нам с Никой новые паспорта.

Руки дрожат.

Бросаюсь в детскую, выгребаю из ящика любимые игрушки Вероники.

Закинув сумку на плечо, бегу к соседям. Стучусь.

Николай Фёдорович открывает дверь. Ему хватает лишь мимолётного взгляда на моё лицо, чтобы понять, что что-то не так.

— Лина, ты какая-то бледная. Случилось что?

Мои губы беззвучно шевелятся, но голосовые связки отказываются извлекать слова.

— Он здесь? — Тихо спрашивает Николай.

Киваю заторможенно.

— Чёрт... — Ругается сдавленно сквозь зубы. — Ладно, девочка, не паникуй.

На крыльцо дома, вытирая руки о полотенце, выходит Антонина.

— Что стряслось? Вид у вас двоих...

Я ловлю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Он нашёл нас. Нашёл. Костя здесь.

Гробовая тишина.

Антонина переводит взгляд на мужа. Николай сжимает кулаки.

— Где он?

— Он был там, на этом чёртовом заводе... Сейчас не знаю. Но он здесь.

Антонина качает головой, упирает руки в бёдра.

— Так, давайте не паниковать. Может, ему и дела до тебя больше нет?

— Нет. — Я чувствую, как к горлу подкатывает ком. — Он нашёл меня, и теперь не отступит. Нужно уезжать. Прямо сейчас.

Николай Фёдорович медленно выдыхает, берёт меня за локоть и затаскивает в дом.

— Лина, давай сначала всё обдумаем. Бросаться куда-то без плана — это последнее дело.

— Но сидеть сложа руки — тоже! — Почти кричу.

В соседней комнате работает телевизор — какие-то мультики. Слышу знакомый топот маленьких ножек.

— Мама-а-а! — Вероника врывается в мои колени, обвивая их своими тонкими ручками. — Ты уже поработала?

— Да, моя зайка, — присаживаюсь на корточки перед дочкой. — Никуль, нам нужно будет уехать.

— Куда?

— Я пока не знаю, но мы с тобой отправимся в путешествие.

— Далеко?

— Возможно, — натягиваю фальшивую улыбку. — Но нам будет очень весело, не переживай.

Ясные глазки распахиваются от нетерпения, в них загорается интерес.

— Я хочу путешествие! — Хлопает в ладоши Ника. — А когда мы поедем?

— Скоро.

— А мы возьмём мои игрушки?

— Все, которые пожелаешь.

— Ура!

Ника убегает.

Поднимаюсь, обнимая себя за плечи. Меня знобит, но вовсе не от холода.

Антонина ставит на стол стакан с водой, капает туда валерьянки из пузырька.

— Сядь. Выпей. Коля прав, думать надо трезво. Куда ты сейчас собралась с ребёнком?

Сажусь, но раздражённо отодвигаю стакан в сторону.

— Я не могу! Не могу сидеть. Мы должны уехать. Прямо сейчас!

— Куда?! — Николай резко поднимает голос, и я замираю. — Ты снова побежишь? Как тогда? Полина, я всё понимаю, но... У тебя есть план? Деньги? Новые документы?

Растерянно кусаю губу.

— Найду. Что-нибудь придумаю.

— Ты уже придумала один раз, и где ты теперь?

Вздрагиваю от его нравоучительного тона. Я будто с отцом сейчас разговариваю.

Антонина кладёт руку ему на плечо.

— Коля, не дави на девочку. Не видишь, и так сложно ей!

Он шумно выдыхает, сжимая переносицу.

— Полина, давай так. Если уезжать – то с умом. Мы ведь не знаем, чего хочет Костя. Может, он уже смирился и забыл? Нельзя делать резкие движения.

Мотаю головой.

— Я не могу ждать, пока он сам ко мне явится!

— Так, стоп — Антонина пристально смотрит на меня. — А что, если попробовать с ним поговорить? Может, он не собирается тебе ничего делать?

Смотрю на неё с ужасом.

— Вы серьёзно?! Это же Барсов! Он... Он не оставит меня в покое! А если вдруг узнает про Нику...

Всё внутри леденеет от страха при одной лишь мысли об этом.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Я знаю! Я прекрасно знаю своего мужа, и если он что-то решил, то никогда не отступит. Если тогда он хотел отобрать у меня ребёнка ради какой-то собственной выгоды, то теперь заберёт из чувства мести.

Николай смотрит на меня немигающим, тяжёлым взглядом.

— Если ты хочешь уехать – я помогу. Но так, чтобы это было надёжно. Без паники, без беготни. Дай мне время всё устроить.

— Времени нет.

— Уверен, у нас есть пара дней на то, чтобы собрать вещи и хотя бы примерно решить, куда мы отправимся.

— Нет. Не мы, — качаю отрицательно головой. — Только я и Ника.

— Что ты такое говоришь, девочка?

— У вас новая жизнь. Вы строите дом. Вы семья.

Антонина уязвлённо поджимает губы.

— И ты тоже наша семья, Полина. Ты и Вероника.

— Я не хочу втягивать вас в это.

— Но ты уже нас втянула.

Прикрываю глаза.

— Тогда это ещё один повод уйти.

Николай Фёдорович грозно взмахивает указательным пальцем в воздухе.

— Если ты думаешь, что я тебя отпускаю одну — ты меня плохо знаешь.

Упираюсь локтями в стол, зарываюсь лицом в ладони.

Как же сложно...

И мне было бы намного спокойней, если бы Николай и Антонина поехали со мной, но могу ли я поступить так с этими людьми? Ведь им придётся обнулить свою жизнь ради меня.

Встаю, подхватываю брошенную на полу сумку.

— Ладно. Пара дней. Я думаю, за пару дней ничего не случится.

— Точно, — кивает Антонина. — Сделаем всё без спешки. А пока постарайся не думать об этом своём Косте. Всё будет хорошо.

— Хорошо, — вздыхаю. — Ника, мы уходим.

Тишина.

Только мультики всё так же крутятся на фоне.

Заглядываю в комнату, но дочки там нет.

— Где Ника?

— Только что тут была... — разводит руками Николай, заглядывает в спальню. — Здесь тоже нет.

Меня охватывает леденящий ужас.

— Вероника?!

Бросаюсь к дверям, выбегаю на крыльцо и вижу их.

Костя, сидя на корточках перед Вероникой, с улыбкой ей что-то рассказывает.

Резко поднимает на меня взгляд, в котором без труда читается угроза...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.